

Книги Константина Калбазова
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

РЫЦАРЬ. ЦАРСТВО НЕБЕСНОЕ
РЫЦАРЬ. СТЕПЬ
РЫЦАРЬ. КРОУСМАРШ
РЫЦАРЬ. ЕРЕТИК

РУБИКОН
РУБИКОН. ДВАЖДЫ В ОДНУ РЕКУ

ФРОНТИР. ПРОПАВШИЕ БЕЗ ВЕСТИ
ФРОНТИР. ПЕРО И ВИНТОВКА
ФРОНТИР. ДОРОГА НА ДВОИХ
ФРОНТИР. ГОРОД В СТЕПИ

КОЛОНИЯ
КОЛОНИЯ. КЛЮЧ
КОЛОНИЯ. ДУБЛИКАТ

НЕСГИБАЕМЫЙ
НЕСГИБАЕМЫЙ. ВРАГ ПОЧТИ НЕ ВИДЕН
НЕСГИБАЕМЫЙ. НЕ БУДИ ЛИХО...

ШАМАН. ПОХИЩЕННЫЕ
ШАМАН. КЛЮЧИ ОТ ДОМА
ШАМАН. В ШАГЕ ОТ ДОМА

ПАНДОРА. КАРАНТИН
ПАНДОРА. ОДИССЕЯ
ПАНДОРА. МЕССИЯ

ВЕПРЬ. СКОМОРОХ
ВЕПРЬ. ЛЮТЫЙ ЗВЕРЬ
ВЕПРЬ. ФЕНИКС

ПЕС. СТРАЖ
ПЕС. БОЕЦ

БУЛЬДОГ. В НАЧАЛЕ ПУТИ
БУЛЬДОГ. ЭКЗАМЕН НА ЗРЕЛОСТЬ
БУЛЬДОГ. ХВАТКА

ОДИНОЧКА. АКВАНАВТ
ОДИНОЧКА. ОХОТНИК ЗА ГОЛОВАМИ
ОДИНОЧКА. ПАТРИОТ
РЕЙДЕР. БЕГЛЕЦ
РЕЙДЕР. ЗАЩИТНИК

ФАВОРИТ. СТРЕЛЕЦ
ФАВОРИТ. СОТНИК
ФАВОРИТ. БОЯРИН
ФАВОРИТ. ПОЛКОВОДЕЦ

БРОНЕХОДЧИКИ. ГРЕНАДА МОЯ
БРОНЕХОДЧИКИ. ГРЕМЯ ОГНЕМ...
БРОНЕХОДЧИКИ. СВЕРКАЯ БЛЕСКОМ СТАЛИ...

СКИТАЛЕЦ
СКИТАЛЕЦ. НЕУГОМОННЫЙ
СКИТАЛЕЦ. ДВОРЯНИН
СКИТАЛЕЦ. БОЯРИН

ПИЛИГРИМ. КЕНТАРХ
ПИЛИГРИМ. ВОЕВОДА
ПИЛИГРИМ. РЕФОРМАТОР

Глава 1 СОВЕРШЕННОЛЕТНИЕ

Акварельный рисунок завершен.

Получено 400 опыта к таланту «Художник-3» — 128 000/256 000.

Невозможно начислить опыт, необходимо гармоничное развитие умений.

Получено 400 опыта к умению «Акварель-3» — 112 400/256 000.

Получено 160 опыта к умению «Рисунок-3» — 46 560/256 000.

Получено 160 опыта к умению «Художественная кисть — 3» — 46 560/256 000.

Получено 160 опыта к умению «Перспектива-3» — 46 560/256 000.

Получено 160 опыта к умению «Композиция-3» — 46 560/256 000.

Получено 400 опыта — 27 650/256 000.

Получено 400 свободного опыта — 12 765.

Ну вот не получается у Бориса так, чтобы все время как по накатанной. «Художник» замер, дойдя до половины, и ни с места. Необходимо подтягивать завязанные на него умения до должного уровня. И ладно бы опыт уходил в избыток. Бориса на данном этапе это устроило бы целиком и полностью. Ведь его всегда можно перевести в свободный, в котором Измайлов испытывает потребность. Но потолок «Науки» пробит, и сейчас исправно подрастают ступени.

Не сказать, что ощущается острая нужда в свободном опыте, но он все же не помешал бы. А вместо этого Измайлов фактически буксует на месте. До десятой ступени и получения возрождения толку от роста ступеней практически никакого. Но когда это

еще будет! Для этого опыта потребуется просто прорва. Конечно, растет и возможное число вассалов, но это сейчас некритично.

По возвращении из одиночного плавания Борис вплотную занялся своим академическим образованием. Была у него подспудная уверенность в том, что это позволит ему получить дополнительные плюшки. Ну не может Система не оценить подобных усилий!

В этой связи отправился в турне по странам Европы. А вернее, по музеям изобразительного искусства и частным галереям. Достичь больших высот, не знакомясь с работами мастеров, конечно же можно. Только это долго, трудно и малоэффективно. А еще не помешал бы и наставник. Ну или хотя бы мастер-классы от уже находящихся на высшей ступени. Вот он и катался.

Кстати, расценки у этих мэтров такие, что хоть за голову хватайся. Конечно, если они согласятся взять тебя в ученики, то совсем другое дело. Но в планы Измайлова это не входило, поэтому он исправно платил. Правда, продолжать при этом скрывать свою одаренность уже не получалось. Тут одно из двух: либо замереть в развитии, либо открываться.

Впрочем, господа наставники отнеслись к его скрытности с пониманием и не трубили на всех перекрестках, кто такой этот таинственный Некто. В конце концов, это выгодный коммерческий ход. Тем более цена на его картины все еще серьезно недотягивала до стоимости работ признанных мастеров...

Борис убрал с мольберта рамку с натянутой на нее бумагой. Подхватил другую и прошелся по бумаге мокрой губкой. Вообще-то она уже влажная, но не мешает напитать ее еще. Аquareль рисуется за один подход. У него на простенький сюжет уходит до двух часов.

Пытался писать быстрее и в пренебрежительной манере. На выходе получается совсем грустный результат. Пробовал создавать сложные работы с несколькими персонажами и детальной прорисовкой. Опыт за сам рисунок получался существенней. Но на «Рисунок», «Кисть», «Композицию» и «Перспективу» падали все те же сто шестьдесят очков. Так что овчинка выделки не стоит.

Потому и масляных полотен за это время написал только пять. А как иначе-то? При отсутствии даже намека на прогресс приходится вновь уподобляться ремесленнику, обходясь лишь минимумом для того, чтобы развитие не замерло на месте.

А как только дойдут до ста двадцати восьми тысяч, так и «Масло» с «Акварелью» застопорятся, пока Борис не подтянет к тому же уровню другие умения. Он это уже проходил.

Помимо седьмой ступени по пути случилось шесть «изобретений». А может, и без кавычек. Все же, что ни говори, а Измайлов имел лишь общее представление о конечном результате. Всю техническую составляющую пришлось додумывать самому. Но благодаря полученному образованию это оказалось не так сложно.

Спасибо высоким показателям Интеллекта. Все же в этом мире основные характеристики действительно работали. Правда, все полученные надбавки на этот раз Борис вогнал в Харизму, ну или, по-местному, в Авторитет. Что ни говори, но короля делает свита. Так что без своей преданной команды — никуда.

Незадолго до обеда закончил очередную акварель, но логу, возвестившему об этом, не придавал значения, так как выскочил другой, общего развития, который сам собой, без специального вызова появился только однажды. Во время инициации. Впрочем, сейчас ситуация сродни той.

Ступень — 7.

Возрождение — 1.

Опыт — 28 050/256 000.

Свободный опыт — 13 165.

Избыточный опыт — 0.

Свободные очки характеристик — 0.

(Потомственный дворянин).

(Вассал).

(Вассалов — 64/84).

Сила — 1,22.

Ловкость — 1,21.

Выносливость — 1,25.

Интеллект — 1,71.

Харизма — 1,26.

Умения — 28.

(Навыки — 3).

(Умения навыков — 7).

Хм. А ведь точно. Сегодня десятое мая тысяча восемьсот семьдесят девятого, день его восемнадцатилетия. А он и забыл. Получается, матушка его родила в обед. В принципе, все это он

уже видел, и не раз. Только значения менялись. Но сейчас имелось разительное отличие. У него наконец появилось возрождение, о чем его и уведомила Система.

— Шанти, поздравь меня, — хмыкнув, произнес Борис.

— Тяв! — подняв голову с подушки, на которой он расположился со всеми удобствами, отозвался песик.

— Как это — с чем? Теперь можно смело отправляться подавать документы в мореходные классы для сдачи квалификационных экзаменов.

— Т-тяв!

— Я знал, что ты меня поддержишь.

— Что тут у вас происходит? — войдя в мастерскую, поинтересовался Ершов.

— Да вот, Вячеслав Леонидович, Эфир наконец признал мое совершеннолетие, — улыбнувшись, ответил Борис.

— Ну слава тебе Господи. Сподобились-таки. Поздравляю, — с искренней радостью затряс руку бывший учитель. — Это дело нужно отметить, — отставляя в сторону этюдник, заметил он.

— Непременно. Но только вечером. А пока суд да дело, нужно успеть в мореходные классы, подать прошение и документы. Дорофея Тарасовича, случаем, не видели?

— Да куда он денется? Сейчас явится на обед. Он же теперь блюдет флотские традиции — куда там признанным адмиралам.

— Ага, точно. Обед же. Как ваш пленэр?

— Все просто замечательно. Ребята стараются не за страх, а за совесть. Если хотите, могу показать их рисунки. Как раз сегодня закончили, — указал он на папку.

— С удовольствием взгляну.

Еще бы. Эти мальчишки, между прочим, его будущие наводчики. Ершов отобрал из кандидатов четверых наиболее способных. Время от времени Борис интересовался их успехами. Причем не только в рисовании. Стреляли они ничуть не меньше. В основном из винтовок и тридцатисемимиллиметровки. Револьверы — только в рамках общей программы боевой подготовки. Если больше, то это уже самостоятельно и за свой счет.

Ставка на ребят с развитым глазомером пока себя полностью оправдывала. Перед тем как приняться за обучение вплотную, Измайлов провел психологический тест. Пришлось кан-

дидатам и в кровянице изгваздаться, и в поросячьих потрохах вываляться, и артиллерийского грохота послушаться, и горячий металл в брюхо получить, пройдя через мучительную клиническую смерть.

Жестко. Не без того. Однако Измайлов собирался серьезно вложиться в их обучение, а потому хотелось бы избежать неоправданных трат. Но ничего, справились. Обошлось без психологических травм. Словом, все было за то, что он получит на выходе четырех великолепных наводчиков.

После обеда вместе с Рыченковым направились напрямик в морские классы. Таковые имелись во владениях далеко не каждого боярина, но Голубицкий основательно вкладывался в подготовку кадров, потому и университетом озаботился, опередив при этом князя. Помимо того, на базе университета был создан институт с уклоном в артефакторику. А вот Тимошевский так и не открыл высшее учебное заведение в своей вотчине. К чему заправлять кашу лишним маслом?

Что же до морских классов, то они тут существовали с незапамятных времен. Шесть прославленных российских адмиралов были их выпускниками. Так что история у учебного заведения была славной, а авторитет — весомым. Как, впрочем, и самомнение преподавательского состава.

— Кого я вижу! Дорофей Тарасович! — резво поднялся на встречу вошедшим хозяин кабинета.

Хм. Либо директор снобизмом не страдает, либо Рыченков тут пользуется особым авторитетом. Потому что в демонстрируемой радости без особого труда угадывается некое почтение. И это у дворянина, капитана второго ранга.

— Здравия тебе, Степан Пантелеевич. Как твоя кузница кадров? Процветает, поди?

— Не жалуюсь. Как, впрочем, не в претензии и князь. Не слышал, адмирал Вяткин встал во главе княжеской эскадры.

— Ну, Тимошевскому было бы зазорно, коли его офицеры не были бы выходцами из твоей школы. Так что бахвалься да знай меру, — шутливо попенял шкипер.

— Я гляжу, своего воспитанника привел.

— Так и есть, Степан Пантелеевич. Вот, хотим держать экзамен на мичмана.

— Суть покажите, молодой человек. Хм. Похвально, похвально. Сколько годков?

— Восемнадцать, — ответил Борис.

— Сколько? — искренне удивился кавторанг.

— Каков орел, а?! — задорно заметил Рыченков.

— Это уж точно. Седьмая ступень, двадцать восемь умений, да еще и свободного опыта изрядно. Дорофей Тарасович, не бывает такого молодняка.

— Бывает, коли с умом и не жадничать. Поди, слышал, как я в позапрошлом году покуролесил?

— Слышал, конечно. А то как же.

— А то, что у меня на борту Проскурин обретался больше года?

— И о том острова слухами полнятся.

— А теперь сложи два и два и перестань удивляться.

— Кхм. Вот оно как. Стало быть, теперь не на шутку команду собираешь.

— Да хватит уж, сколько лет ерундой маялся. Пора бы уже и за ум браться.

— Как ваша фамилия, молодой человек?

— Москаленко-Измайлов Борис Николаевич.

— Ага. Еще и это. Нечасто у нас усыновляют, одаривая потомственным дворянством. И что мне с вами такими красивыми делать? — вздернул бровь директор.

— Принимать квалификационные экзамены, что же еще-то? Можешь даже валить, ей-богу, не в обиде буду, — хмыкнув, заметил Рыченков.

— Так в нем уверен? — вздернул бровь директор.

— Год одиночного плавания, школа Проскурина, моя и Носова. Да, я в нем уверен, — вынес свое заключение шкипер.

— Хорошо, коли так. Но экзамены все одно в середине июня.

— Это я ведаю. Но ты ведь в июне документы не примешь. Начнешь носом крутить.

— Дорофей Тарасович, ты это... Берега-то не теряй. Совесть — хорошая вещь вкупе с вежеством.

— Извини. Занесло, — признал шкипер.

— Ладно. Давай заявление.

Приняв бумагу, директор быстренько ознакомился с содержанием и, завизировав, вернул Рыченкову, отправив посетителей в канцелярию. Дело сделано. По поводу сдачи экзаменов Борис не волновался, так как был в себе полностью уверен. Ни

один из слушателей классов с ним и рядом не стоял, в этом никаких сомнений. Да что там, глядишь, и кого из аттестованных офицеров за пояс заткнет.

А вот вынужденная задержка его уже начинала раздражать. И периодические прогулки на яхте до Яковенковска, а также выходы «Разбойника» для практического плавания не могли унять появившийся зуд. Хотелось дальних походов и настоящего простора, а не вот этого хождения на привязи. Да еще и на фоне притормозившего роста команды.

Со средствами у Измайлова проблем не было. Лицензии и налаженное производство исправно приносили солидную прибыль. Настолько, что получалось не просто содержать немалый штат, но еще и кое-что откладывать в кубышку. Всегда полезно иметь под рукой крупные оборотные средства.

Авантюра с Арцманом увенчалась успехом. И это если говорить скромно. Уже через год полмиллиона долларов превратились в полтора. Измайлов изъясил из дела половину, оставив вторую банкиру. Теперь даже если предприятие прогорит, он внакладе не останется. Никаких сомнений, что Даниил заработал на его деньгах и заработает еще. Но Измайлова это устраивало.

Зато ни в коей мере не радовал наметившийся дефицит свободного опыта. Большая часть команды пробила потолок «Науки», и сейчас весь опыт подопечных уходил в рост ступеней. Как следствие, отсутствие избыточного опыта, который можно перевести в свободный и влить в необходимые умения. Тот избыток, что все же копился у унтеров, пока не получивших высшее образование, — сущие слезы. Оставалось либо покупать официально, с выплатой полагающихся налогов, что больно, либо братья за старое.

Помнится, у них неплохо получалось доить каперов, причем все были довольны. Так отчего бы и не повторить? Сомнительно, конечно, что это понравится старикам-разбойникам, но тут уж ничего не поделаешь. У Измайлова мало времени, и он не может строить планы на десятилетия вперед.

Родители Кати пока вроде бы не заводят речь о ее замужестве, но это ведь дело такое. Подвернется выгодная партия, и рассусоливать не будут. Так что нет у Бориса времени. Совсем нет...

— Дорофей Тарасович, мне показалось или директор морских классов и впрямь перед тобой робеет? — когда они оказались на улице, поинтересовался Борис.

— Ну а как ему не робеть, коли у меня юнгой начинал. От меня же получил толчок и дальше пошел. Оно ведь в кровь вьедается так, что потом и не вытравишь. Вот и в нем осталось. Только если ты решил, что он тебе послабление сделает, сразу отбрось такие мысли. Выворачивать тебя станет основательно. Потому как дело свое знает туго и преподавателей подобрал под стать себе. А еще злость в нем сидит, что его от кораблей отставили и посадили в кресло директора. Дело полезное, но ему не по душе.

— Получается, завидует он своим ученикам? У них-то все еще впереди.

— Завидует. Да только поделаться ничего не может. Этот век ему суждено провести в кресле директора. Таковы воля боярина и вассальный долг. Ничего. По возрождении отведет душу.

— Понятно. Дорофей Тарасович, я еще хочу заскочить к Турсову.

— О как! А чего же ты, шельма, раньше-то молчал? Я ить на «Новике» был до обеда. Сейчас на верфь к Горюнову собрался, глянуть, как дела с новым пароходом. А Якова мы с собой не прихватили.

Рыченков и Носов создали-таки свою пароходную компанию. И комплектовали ее судами типа «Карася», благо в нем сочетались все необходимые качества. К тому же помимо высокой скорости у него еще и мореходность куда лучше. Вот и строили такие суда на верфи, постепенно расширяя маршруты и удовлетворяя потребности пассажиропотока.

После случая с Просвирой о силовом варианте в конкуренции с ними уже никто не задумывался. Вольные капитаны либо становились на мостики пароходов стариков-разбойников, либо уходили в грузоперевозки, что также было востребованной услугой.

— Да ладно тебе. Мне что же, теперь в танке ездить? — отмахнулся Борис.

— При чем тут танк? — искренне удивился Рыченков, подразумевая емкость для жидкости.

— Ну, в смысле в блиндированном автомобиле.

— И где тут связь? — продолжал недоумевать старик.

— Нет связи. Оговорился я.

— Ладно. Но только без охраны — оно все одно неправильно.

— Да что со мной случится в Голубицке-то? Дорофей Тарасович, я уже говорил, не идет тебе из себя наседку изображать. Все, я пошел.

— Ты к Турусову домой или на верфь?

— Домой, — откинув крышку часов, ответил Измайлов.

— Вот и ладно. Я Якова туда вызову. И без разговоров мне! А то вот так оставишь тебя без догляду, и ты обязательно во что-нибудь вляпаешься. Талант у тебя такой.

Вообще-то Борису есть что возразить. Доводов эдак с воз и маленькую тележку. Но он все же предпочел промолчать. Что ни говори, а старики-разбойники о нем пекутся как о сыне. Хотя, вот ей-ей, лучше бы своими озаботились.

Их возраст теперь ровным счетом ничего не значит. У обоих высшее образование за плечами, о чем свидетельствуют дипломы Голубицкого университета. А значит, по возрождению в кармане. И с достатком теперь полный порядок. Но нет, держатся за него. Чему Борис, признаться, откровенно рад.

Глава 2 «НОВИК»

Инженер-кораблестроитель Турусов проживал в стороне от центра. Еще не рабочая окраина, но уже встречаются дома, пребывающие не в лучшем виде. И мостовая изобилует выбоинами, заделать которые у городских властей не доходят руки. Или все же не хватает пинка животворящего. Казна боярина Голубицкого не бедствует, так что средства всяко-разно имеются. Иное дело, что лень и некомпетентность свойственны не только прежнему миру Бориса, они вполне успешно процветают и здесь.

Измайлов ухмыльнулся и сделал себе зарубочку: написать в канцелярию боярина жалобу. Ему как-то без разницы, он с местными чиновниками отношения испортить не боится. А анонимки тут не рассматривают, сразу отправляют в урну. Если только в полицейской управе или жандармском отделении читают, но это уже совсем другое.

Вошел в подъезд обшарпанного трехэтажного дома. Поднялся на второй этаж и, остановившись у нужной двери, провернул механический звонок. На зов явилась домработница —

эдакая молодуха с приветливым лицом и пышными формами. Про таких говорят: кровь с молоком.

Сам-то инженер среднего роста и сложения, с коротко стриженными и редкими русыми волосами. Взгляду не за что зацепиться. Но прислугу себе подобрал такую... Все при ней, как говорится. Угу. Тот еще шалунишка. Живет-то один. Закоренелый холостяк, в общении с женским полом робеет. А тут оно как-то само сложилось. Да и бабе какой-никакой приработок. Поди, одна троих тянет. Ну не удержался Измайлов. Выяснил.

— Здравствуй, Анюта.

— Здравия вам, Борис Николаевич.

— Хозяин-то дома? — поинтересовался он у женщины.

— Отдыхают после обеда. Да вы не беспокойтесь, ему уж вставать пора, на службу возвращаться. Проходите, я пока полдничать соберу.

Рабочий день на верфи длится двенадцать часов, но это у рабочих и постоянно присматривающих за ними мастеров. Инженеры же белая кость. Им положен обеденный перерыв в три часа. До завода не так уж и далеко, так что полтора часа на послеобеденный сон Турусов наверняка урвать успевал.

— Здравия вам, Борис Николаевич. Какими судьбами? — выходя в столовую и запахивая халат, поинтересовался инженер.

— Здравствуйте, Сильвестр Петрович. Да вот, оказался в городе, решил вас навестить. Заодно поинтересоваться, как у вас обстоят дела с катером.

— А «Новик» вас, стало быть, не интересует?

— С «Новиком» все понятно. И ничего нового вы мне не поведаете. Тем более что до обеда общались с Дорофеем Тарасовичем.

— Да, это так. Был он на заводе.

Минный крейсер они начали строить в октябре прошлого года. Имелся, конечно, риск, что проект может превратиться в долгострой из-за нехватки средств. Тем более средняя цена за тонну водоизмещения должна была подрасти процентов на тридцать, что для проекта, включающего в себя слишком много нетипичного, вполне нормально. Но и строить типовой корабль Измайлов не собирался.

Все началось совершенно случайно. Как-то по возвращении Бориса Дорофей Тарасович за чашкой чая упомянул о местном

инженере с судостроительного завода. Мол, есть чудак, носит-ся со своим проектом минного крейсера. Только пока никого не заинтересовал.

Измайлов спросил, в чем чудачество. Рыченков наскоро набросал рисунок с высоким полубаком, что должно было обеспечить приемлемую мореходность. Артиллерия расположена по линейно-возвышенной схеме. Поворотный двухтрубный и курсовой однотрубный торпедные аппараты. Обозвал подобный подход глупостью и вновь взялся за чашку с чаем.

Ну, для местных, может, это и глупость, вот только не для Бориса. Уж он-то точно знал, что подобное расположение артиллерии впоследствии будет классическим. Как оно там с математическими расчетами и материалами, бог весть. Но в этом что-то было. И он поспешил встретиться с инженером, у которого и впрямь имелся готовый проект.

Потом был мозговой штурм с привлечением Проскурина. Вертели чертежи и расчеты так и эдак. Едва ли не просвечивали через рентген. В результате вездливая комиссия пришла к выводу, что рациональное зерно в этом все же есть. А ее председатель и главный кошелек, то есть Измайлов, принял решение — минному крейсеру быть!

Понравился Борису этот корабль, который он решил назвать «Новиком». До дрожи в коленях понравился. А еще — нефтяное отопление котлов, что значительно сокращает потребность в личном составе. Кстати, котлы водотрубные, германская новинка, которую отличали компактность и высокая производительность. Единственное, Измайлов настоял на пересмотре артиллерийского вооружения.

Изначальное предусматривало установку на палубе двух семидесятипятимиллиметровых пушек Канэ. Выше их, на надстройках, — две шестидесятитрехмиллиметровых Дубинина. По бортам — четыре сорокасемимиллиметровых «Гочкиса». На крыльях ходового мостика — две тридцатисемимиллиметровых револьверных пушки.

Измайлов потребовал заменить пушки Дубинина на семидесятипятимиллиметровые Канэ. Конечно, надстройки нужно будет укрепить, но это нестрашно. Над нижними орудиями — козырек, чтобы иметь возможность стрелять поверх них. При существующем подходе подобное ведение огня попросту не

предусматривалось. Ну и конечно же орудийные щиты, которые на военных кораблях отчего-то презирались.

Всех «Гочкисов» долой, чтобы глаза его их не видели! На крыльях мостика устанавливаются два «Гатлинга». Двухтрубный торпедный аппарат выносится на корму. В пространстве между трубой дымохода и бизань-мачтой должен был уместиться минный катер в стальном корпусе.

И опять скрестились клинки. Каждый отстаивал свое мнение. Рыченков твердил, что Измайлов ничегошеньки не понимает в колбасных обрезках. Турусов утверждал, что подобные переделки и размещение минного катера серьезно увеличат водоизмещение корабля, и оно превысит семьсот тонн.

В ответ Борис обозначил неизменность своей позиции, после чего предложил присутствующим лучше подумать, как добиться должного результата, а не убеждать его в невозможности. Начали думать. В особенности Турусов, который вдруг поверил, что его детище всего лишь в шаге от воплощения в металле. Тем более на заводе как раз освобождался один из стапелей.

В ноябре киль будущего минного крейсера был заложен. В начале января над «Новиком» нависла угроза долгостроя. Деньги таяли с невероятной быстротой. Пополнения от лицензий и производства попросту не успевали за расходами. Старик-разбойники все свои средства вложили в пароходную компанию. Елизавета Петровна свободными средствами не располагала и лично помочь приемному сыну не могла.

Борис уже трижды пожалел о своем решении вложиться в гражданскую войну в Бразилии. Ситуация складывалась аховая. Он уже был готов выставить на продажу артефакты, благо в его команде имелось целых трое артефакторов. Вот только при таких задумках этих приборов им и самим не хватало. И изготавливать их быстро не получается.

Но тут на Бориса вдруг пролился золотой дождь от банкира Арцмана. На ходе строительства минного крейсера эти перипетии никак не сказались. Разве только пара миллиардов нервных клеток Измайлова приказала долго жить. Но это такие мелочи...

— Ну так что там с минным катером? — вновь вернулся к насущному Борис.

Идея принадлежала ему. Как, впрочем, и разработка с расчетами. Спасибо Проскурину за хорошую науку и Системе за столь ощутимый рост Интеллекта. Имея общее представление

о форме и конечном результате, Борис сумел облечь это в расчеты, выкладки и чертежи. На выходе получился проект минного катера на подводных крыльях.

Конечно, имелись сомнения относительно того, что паровая машина сумеет справиться с поставленной задачей. Насколько знал Измайлов, в его мире такие суда работали только на двигателях внутреннего сгорания. Хотя испанская модель умудрялась разгонять суденышко до скорости в двадцать один узел, чего должно было хватить для выхода на крыло.

Турусов с радостью взялся воплотить эту задумку в металле. Ну что тут сказать? Энтузиаст-новатор, получивший щедрое финансирование. Да он был готов трудиться денно и ночью! Впрочем, на его распорядке дня это никоим образом не сказалось. Послеобеденный сон и полдник, как полагается.

Правда, это скорее говорило в пользу инженера, чем против него. Значит, он умеет планировать свое рабочее время, а не несетя вперед скачками в авральном режиме. Разумеется, это справедливо при наличии результатов. Но они ведь были.

— С катером все в полном порядке. Сегодня прошел ходовые испытания без крыльев. На воде чувствует себя хорошо, развивает максимальную скорость до штатного двадцати одного узла. То есть наша надежда на новую форму винта полностью оправдалась, и, несмотря на утяжеление судна, машины разгоняют его до заданных параметров в деревянном корпусе.

— Но ведь подразумевается, что установка крыльев не займет много времени, — тут же сделал стойку Борис.

Делать свое изобретение достоянием человечества Борис не собирался. Во всяком случае пока. Обойдется как-нибудь без всеобщего признания и славы. А потому и крылья они с Турусовым проектировали как съемные.

— Все верно. Но я хотел детально осмотреть катер после первого выхода в море, а к испытаниям самих крыльев перейти уже завтра. Однако если вы настаиваете...

— А как вы думаете, я буду настаивать или нет? — хмыкнул Борис.

— Пополдничаем со мной? — деляя жест в сторону обеденного стола, поинтересовался инженер.

Заботливая Анна уже выставила на него крынку с молоком и корзиночку одуряюще пахнущей выпечки. Борис очень хотел немедленно приступить к испытаниям новинки, но выпечку он

любил настолько, что у него даже мысли не возникло сражаться со своими вкусовыми рецепторами...

— Бо-оже, Яша, — не выдержал Борис и засмеялся в голос.

А как тут удержаться. Едва вышли из подъезда, как столкнулись с эдаким варнаком, который держит в руках тонкий поводок, тянущийся к мирно сидящему у его ноги песику. Разбойному виду Ганина куда больше подошел бы какой-нибудь лохматый кавказец, а не этот милашка.

— Все бы тебе посмеиваться, Борис Николаевич. А меж тем этот изувер ни в какую не желает оставаться один. Уж как его ни уговаривали! Прилип, как банный лист, и знай скандалит, — по обыкновению обращаясь по имени-отчеству, но на «ты», со вздохом доложил Яков.

— Сам виноват. Твой ведь подарочек, — забирая у него поводок, хмыкнул Борис.

— Так ить мне-то откуда было знать, что ты его так избалуешь, — развел руками Ганин.

— Ну, милай, на борту маленькой яхты мне его как-то было не с руки приучать к одиночеству.

До завода дошли быстро. Турусов предложил было обождать в конторке, пока он с рабочими приладит крылья, но Измайлов пожелал присоединиться. Ему хотелось лично наблюдать за всем процессом, хотя там ничего особенного и не было. Всего-то приладят крылья да затянут болты крепления стоек к закладным на корпусе.

Никто конечно же не расхаживал с транспарантами, возвещающими о том, что на заводе строится опытный образец на подводных крыльях, но и особой тайны из этого тоже не делали. Время такое. Научно-технический прогресс ежегодно рождал сотни, если не тысячи идей в самых разных областях. И зачастую они соревновались между собой в абсурдности.

Так что очередное чудачество не могло привлечь к себе сколь-нибудь пристального внимания. Иное дело, когда новинка докажет свою эффективность, причем не единожды. Потому как один раз — это случайность, два — совпадение, три — закономерность.

Не прошло и часа, как суденышко спустили на воду в заводской акватории. За ее пределы выходили, выдерживая не более десяти узлов. Крылья себя никак не проявляли. Согласно вы-

кладкам и расчетам этой скорости явно недостаточно для того, чтобы катер встал на крыло.

Зато когда они вышли на чистую воду и Борис увеличил обороты, катер плавно и бодро поднялся над водой и понесся по прямой, как стрела. Все повторилось один в один, как с моделью в бассейне.

— Ох, ничего себе! — восхищенно выдал Яков.

— Да не говори! — радостно прокричал Борис.

— Т-тяв! — явно обеспокоенно выдал Шанти, вжавшись в угол кокпита.

Небольшая волна все же присутствовала и ритмично ударяла по корпусу, что никоим образом не способствовало душевному равновесию песика.

— Ну извини, дружище. Сам виноват. Что там у нас, Сильвестр Петрович?

— Сорок три узла, — сообщил инженер, наблюдавший за показаниями лага.

— Впечатляет.

— Согласен. Но это неполная загрузка. Вы ведь еще и щиты установить хотите.

— К стати, когда планируете перейти к полноценным испытаниям?

— Экий вы быстрый! Мы сейчас рассекаем спокойную воду, и то чувствуются удары волн. Нужно смотреть, как поведут себя корпус и крылья, не ползут ли заклепки, и только после этого его можно будет начинать нагружать. Надеюсь, что к окончанию ходовых испытаний «Новика» управимся и с катером.

— То есть к сентябрю? — с нескрываемым разочарованием поинтересовался Борис.

— И это в лучшем случае. Если нам будут сопутствовать успех и, чего уж там, удача. К стати, при такой скорости я не стал бы атаковать противника посредством минометного аппарата. Сорок и даже пятьдесят метров — это ни о чем. Вы попросту не успеете отвернуть и неминуемо столкнетесь с вражеским судном.

— Значит, нужна торпеда.

— Как вы сказали? — удивился инженер.

— Торпеда. Самодвижущаяся мина, — пояснил Измайлов.

— А, вот вы о чем. Да, вполне подходит. Самодвижущаяся мина сняла бы эту проблему. Только она слишком тяжелая, и результативность ее не впечатляет.

— Ну так атаковать с дистанции в сто, полтора метра. Тогда места для разворота вполне достанет. И от взрыва уберечься получится.

— Удивляюсь я вам! Как вы, моряк, можете позволять себе такие вольности! Не бойтесь, что господа офицеры не поймут вашего пренебрежения к морским мерам?

— А при них я начинаю маяться дурью и поминать кабельтовы. Хотя видит бог, это до крайности неудобно. Как, впрочем, и наши сажени.

В общей сложности они провели в море час. За это время выработали четверть топливного бака. При полной загрузке расход, конечно, будет больше. По расчетам Турусова, запас хода без дополнительного бака составит порядка трехсот морских миль экономичным ходом и около ста двадцати — полным. Порадовали германские котлы.

Борис решил, что патриотизм — штука, конечно, хорошая, но в угоду ему отказываться от изделий лучшего качества не собирался. Вот паровые машины тройного расширения на «Новике» российские, потому что на сегодняшний день в своем классе лучшие. И это общепризнанный факт. Их производят в Тверском княжестве.

— Ну и как твоя игрушка? — когда они собрались в трактире, дабы отметить совершеннолетие Измайлова, поинтересовался Рыченков.

— Сорок три узла, — со значением покачав пальцем, произнес Борис.

— Да не может быть! — наигранно восхитился шкипер. — И что, когда ты его нагрузишь, так же весело побежит?

— Вот зря ты так-то, Дорофей Тарасович. Помнится, кто-то сомневался, что из этого вообще хоть что-то получится, — растопыряв на коленях салфетку, возразил Борис. — А он побежал. Причем, как я и предсказывал, поднялся над водой. Только волна в днище бьет. Но это некритично. В спокойную воду вообще как на салазках понесется. А то, что сейчас легкий... Ну, потеряет узла три, не больше, так и что с того? Скорость — вдвое выше, чем у самых быстрых катеров.

— Не обращай внимания на Дорофея. Это он завидует так, — отмахнулся Носов.

— Зависть, Дорофей Тарасович, — это грех. Добрый вечер, — усаживаясь за стол, приветствовал присутствующих Григорий.

— Еще одно недоразумение, йакорь тебе в седалище. Загубил детальку? Иль все же доточил как положено? — хмыкнул Рыченков.

— Да ла-адно, Дорофей Тарасович. Все бы тебе выдумывать! А четверную компактную «Аптечку» не желаешь? — подбоченившись, выдал Травкин.

— Бахвалишься, — отмахнулся шкипер.

— А как насчет очередного «Защитника»? Правда, одинарный, но ведь артефакт, — подняв палец, оповестил Григорий.

— И кто так сподобился? — вздернул бровь Рыченков.

— Тимур. Толковый артефактор получился.

Вообще-то небывальщина, чтобы этот старый ворчун позволял к себе подобное обращение. Но так уж вышло, что их четверка являлась костяком команды. Был еще Проскурин, но он сейчас окончательно бросил якорь на Голубицком.

К слову, Борис приглашал его на их скромное мероприятие вместе с Капитолиной Сергеевной, но женщина ни в какую не желала признавать себя ровней своему избраннику. Ни за стол, так, чтобы с посторонними, ни замуж. Измайлов уже голову сломал, думая над тем, как помочь влюбленным.

Меж тем застолье набирало обороты. Подтянулись художник Ершов, преподаватели и по совместительству магистры Голубицкого университета Лаврентьев и Соболев. И поди пойми, чего тут для Измайлова больше: радости от наконец-то обретенного совершеннолетия или удовлетворения от того, что строительство корабля проходит гладко, без сучка без задоринки. Кто сказал, что только у Бориса свербит? Вся команда ждет не дождется, когда останется за кормой родной берег, чтобы посмотреть в глаза неизвестности.

Глава 3 НЕЖДАННО-НЕГАДАННО

— На сегодня все, Мария Платоновна, — отойдя на три шага от мольберта и обтирая ветошью кисть, произнес Борис.

— Уже? — удивилась боярыня. — Сегодня это заняло совсем немного времени.

Она поднялась с резного стула с мягкой обивкой и, обойдя мольберт, взглянула на свое изображение. Благодаря давней

подруге Москаленко она хорошо разбиралась в живописи, а потому могла оценить не только сходство и красоту, но и технику. То, что Яковенкова видела сейчас, вызывало у нее чувство удовлетворения.

— Ничего удивительного, работа близится к завершению. Теперь основное время уходит на высыхание красок. В принципе, на этом этапе я могу обойтись и без вашего присутствия. Пары дней, я думаю, мне будет достаточно, — ответил Борис.

— Но вы не уверены? — уточнила она.

— Как я могу быть уверен? — пожал он плечами. — Холст — как живое существо, у него своя душа, характер, настроение, капризы. Пару лет назад я мог бы с точностью до часа сказать, когда закончу картину, потому что писал механически и в пренебрежительной манере. Пока мне доступно не разъяснили, что это тупик, и если я желаю развиваться, то должен выбрать другой путь.

— Да, Елизавета Петровна рассказывала мне об этом. Она живо интересуется вашими работами и этапами развития, — с нескрываемой иронией произнесла боярыня.

Матушка, стало быть. Ох уж ему эта Елизавета Петровна! Могла бы придержать язык за зубами. Впрочем, не глупа, понимает, что делает, и в Борисе вроде как заинтересована. Она и не пытается скрывать своих далеко идущих планов в отношении его. Князь, не меньше. Ага. Всем-то от него что-то нужно. Словом, в этом плане ей можно довериться.

Борис посмотрел на Марию Платоновну. Нет, негатива по отношению к сказанному она не испытывает. Разве только в ее облике угадывается любопытство. Эдак глядит на него, водя пальчиком по ожерелью из крупного жемчуга.

Это его подарок, который в этом мире все еще является дорогим и статусным украшением. Впрочем, особая ценность вот этого ожерелья в том, что жемчуг для него был добыт лично Измайловым. И без разницы, что Борис использует некий аппарат для дыхания под водой. Любой мало-мальски интересующийся вопросом знает, что для получения подобного улова нужно вскрыть чертову уйму моллюсков.

Само принятие подарка боярыней уже говорило о многом. А уж то, что она пожелала быть запечатленной в ожерелье на парадном портрете, так и вовсе свидетельствовало об особом

расположении. И чтобы это понять, не нужно быть семи пядей во лбу.

Вообще-то все затевалось из-за Кати, но, как выяснилось, делать подобные подарки незамужней девушке могли только родители или жених. И никак иначе. Борис же таковым не являлся. Пришлось изделия из самых отборных жемчужин отложить в сторону до лучших времен, в которые он верил.

Н-да. И будь он проклят, если это будущее не под ударом! Если бы на его месте оказался и впрямь молодой человек восемнадцати годочков, то он, быть может, и не заметил бы этого. Но за плечами Бориса жизненный опыт, а потому он не мог не понять заинтересованности боярыни и того, что она ненавязчиво с ним заигрывает.

Иное дело, чем это вызвано. То ли она в самом деле желает завести ни к чему не обязывающую интрижку, чем никого не удивить, главное не переступить незримую грань допустимого, то ли решила проверить, насколько сильны чувства Измайлова к ее дочери. Вот только Борис не собирался играть заведомо проигрышную партию и решил изображать полное непонимание.

Дверь отворилась, и в комнату, отведенную под художественную мастерскую, вошел боярин Яковенков. Крепыш среднего роста с волевым лицом, проседью на висках и челке, затянутый в черный адмиральский мундир.

Кстати, получить такое звание благодаря одному лишь положению невозможно. Его можно только выслужить. А потому подавляющее большинство бояр шеголяет в мундирах каперангов. И ситуация, когда боярской эскадрой командует вассал в адмиральском звании, не является чем-то из ряда вон выходящим. Причем не только в России. Хватает у сюзерена забот и помимо флота.

— Уже закончили? — видя супругу не на стуле, а подле мольберта, поинтересовался боярин.

— На сегодня — да, ваше превосходительство. А вскоре работа и вовсе будет завершена, — уведомил Борис.

— А что вы скажете, если я все же пожелаю написать свой портрет?

Борис сказал бы, все, что он думает о вице-адмирале. Нельзя было сразу присоединиться к супруге? Сейчас оба портрета уже были бы на выходе. Теперь же придется опять задерживаться на

Яковенковском, в то время как заботы призывают его на Голубицкий.

Он конечно же рад возможности общения с Катей. Однако ввиду ее крайней загруженности в институте благородных девиц видаться они все одно могут лишь по воскресеньям. Да и то не весь день, а только малую его часть, так как единственный выходной нужно посвятить еще и родителям.

— Скажу, что почту это за честь, ваше превосходительство, — с долженствующим поклоном ответил Борис.

А что еще он мог сказать? Нет, не будь Георгий Иванович отцом Кати — и получил бы ответ в духе: «Я непременно изыщу для этого возможность в самое ближайшее время». Ну а там уж по обстоятельствам. Однако с ним он так поступить не мог.

Опять же, лишняя возможность пообщаться с возможными тестем и тещей не помешает. Во всяком случае, Измайлов надеялся на будущее родство. Неплохой шанс им понравиться. С Марией Платоновной вроде бы контакт налачился. Впрочем, тут нужно еще как-то выкрутить, чтобы без последствий. А то обиженная женщина — та еще мина замедленного действия.

— Слухами земля полнится, Борис Николаевич, что на Голубицком заводе вы строите минный крейсер, — произнес боярин.

— Так и есть, ваше превосходительство.

— И отчего же тайком?

— Простите, но я как-то не подумал, что должен расхаживать по улицам с плакатом, возвещающим об этом, — с самым виноватым видом произнес Борис.

— Каков наглец, а, Машенька! — восхищенно хмыкнув, воскликнул Яковенков.

— Не уверена, что тут имеет место дерзость, — пожав плечами, решила заступиться за молодого человека боярыня. — Борис Николаевич ни разу еще не был замечен в бахвальстве. Даже лавры на службе испанской короне целиком уступил своему наставнику Рыченкову.

— Вот так вот, молодой человек. Цените. Мария Платоновна далеко не за каждого готова вступить.

— Ваш покорный слуга, — несколько нейтрально ответил Борис, и поди пойми, чей именно: ее, его или обоих сразу.

— Хитер, а, Машенька? — хмыкнул вице-адмирал. — Так отчего же постройку заказали не на моей верфи?

А вот теперь в голосе присутствует толика ревности. Оно и понятно. Потомственное дворянство Борис получил из рук Георгия Ивановича. Приемная мать Измайлова — вассал Яковенкова. Ну и вообще... Пусть о том никто и не говорит. Не то чтобы судостроительный завод боярина испытывал трудности с заказами. Вовсе нет. Н-но-о... Понятно, в общем.

— Меня заинтересовал проект инженера-кораблестроителя Турусова, а он служит как раз на Голубицком заводе.

— Что-то новаторское? — тут же оживился Георгий Иванович.

Борис подтвердил его догадку и начал рассказывать о «Новике». Боярыня вскоре оставила мужчин, а те вошли в раж. Яковенков сыпал вопросами как из рога изобилия. Не забыл указать на несуразность расположения орудий и отсутствие противоминного вооружения. Вроде бы и сами пушки относятся к малому калибру, но для стрельбы по тем же минным катерам уже не так оборотисты, а в малой эффективности «Гатлингов» Борис и сам успел убедиться.

Тем более линейно-возвышенная схема не давала никаких преимуществ. Зато из-за надстроек придется поднять повыше и рубку. Как следствие, проекция корабля увеличивается. Соответственно вырастал и тоннаж, что никак не согласовывалось с основной боевой задачей минного крейсера: борьбой с миноносками и минными катерами противника, а также атакой крупных кораблей своим минным вооружением.

Оптимальное водоизмещение этих кораблей должно было составлять не более шестисот тонн. Тут же явно больше семисот, даже ближе к восьмистам. Борис это подтвердил, но все же настаивал на своей правоте.

— Н-да. Ну что я могу сказать... Коль уж вы так уверены, то желаю удачи. Только непонятно, отчего именно минный крейсер?

— Скорость, огневая мощь, запас хода в полторы тысячи морских миль.

— Мазут — специфичное топливо, которое имеется далеко не везде.

— Это единственный недостаток.

— Но существенный.

— Я бы не сказал. Если озаботиться достаточными его запасами, в остальном — сплошные плюсы. Одно лишь отсутствие

дымного шлейфа днем и факелов при полном ходе ночью чего стоит.

— Допустим. Но огневая мощь... — с сомнением покачал головой боярин.

— Новые пироксилиновые снаряды, — пожал плечами Борис.

Производство взрывчатки началось в тот же год, как только он передал права на метод осушения. Кстати, Россия торгует взрывчаткой свободно, в том числе и на гражданском рынке. А вот факт изготовления тротила находится под строжайшим секретом. Снаряды, поступающие на вооружение русского флота, снаряжаются тринитротолуолом, но проходят как начиненные пироксилином.

— Эка. Да вы не мелочитесь, Борис Николаевич! Двадцать два рубля за снаряд. Дорогое удовольствие даже при ваших доходах, не находите?

— Все зависит от преследуемых целей. Меня в меньшей степени интересует финансовая сторона. Уже сейчас я не испытываю трудностей в деньгах. Со временем дела только улучшатся. Вы слышали о моем новом изобретении, асфальтобетоне?

— Мне говорил об этом ваш сводный брат, Федор Алексеевич. Он вроде бы даже строит асфальтовый завод.

При всем том, что в этом мире широко используют нефтепродукты, и битум в том числе, асфальта тут не знали. Правда, Борис об этом понятия не имел.

Когда старики-разбойники начали возводить первый морской вокзал своей пароходной компании, они собирались облагородить дорожки и площадку перед причалом бетонной тротуарной плиткой. Измайлов предложил им более дешевый способ. И каково же было его удивление, когда он получил два очка надбавок и целую гору опыта!

— Асфальтобетон годится для покрытия дворов, площадей, тротуаров, улиц и дорог. Он настолько практичен, дешев и технологичен, что его производство из года в год будет только расти. Ну и мне скромный один процент от производимого объема. В перспективе это огромные средства. Мой поверенный уже занимается рекламной акцией.

— Значит, цель постройки минного крейсера не деньги. А что, если не секрет?

— Для начала, сразу по завершении постройки «Новика» я поступлю в Добровольный флот.

— Ага. То есть к кому-либо из бояр на службу вы не желаете?

— Не желаю.

— А что дальше?

— Я уже собираю свою команду. По ходу каперства получится обзавестись дополнительным опытом на ее развитие. А там... Россия велика. Необитаемых островов и даже архипелагов у нас хватает.

— Даже та-ак, — протянул Яковенков.

— Плох тот матрос, который не мечтает стать адмиралом. И я не сижу на месте.

— Согласен, Борис Николаевич. Только вы забываете одну маленькую деталь. Государь не жалует каперов. Ему претит мысль о пиратстве, даже узаконенном.

— Я это помню, ваше превосходительство.

— Ну что же, позвольте тогда пожелать вам успехов.

— Благодарю.

— Но, надеюсь, в ваших амбициозных планах найдется местечко для написания портрета моей скромной персоны?

— Разумеется. Могу приступить прямо сейчас. Я ведь изначально готовил к работе два холста. Так что основа уже имеется. И если у вас есть время...

— Н-да. Ну что же, назвался груздем... Мне устроиться на стуле моей жены?

— Если хотите быть изображенным стоя...

— Только не с моим ростом. Я понимаю, что все в руках мастера, но хотелось бы получить портрет без прикрас.

— Тогда рабочий стол?

— Да, пожалуй.

— Значит, садитесь сюда.

Борис указал на другой стул у небольшого столика. Вице-адмирал посмотрел на него с сомнением, явно давая понять, что этот антураж никак не тянет на его рабочее место.

— Просто доверьтесь мне, — повторяя приглашающий жест, произнес Измайлов.

Сменив на мольберте холст, он быстро сделал набросок. Благо бывал в рабочем кабинете боярина и прекрасно помнил планировку и обстановку. Для детальной прорисовки можно будет переместиться туда и попозже, когда закончит работать над портретом Марии Платоновны. Постоянно таскать мольберт с места на место — дурная затея.

По окончании прорисовки наброска взялся за краски. Начало работы. Сейчас мазки ложились один за другим, быстро заполняя полотно. Уже через пару часов был нанесен первый слой и обозначились общие контуры картины.

— А говорил, что сегодня быстро, — укоризненным тоном встретил Борис поджидавший на улице Яков.

— Ну извини, дружище. Так вышло. Боярин тоже захотел портрет. Но в этом есть и свои плюсы.

— Это какие?

— Шанти был со мной и не помешал тебе навестить пивную.

— Тяв! — встав на задние лапки и опершись передними на ногу моряка, возвестил о своем присутствии песик.

— Вот откуда ты свалился на мою голову!

— Яков, ты ничего не путаешь? — хмыкнул Борис.

— Да вот уже как жалею о своем подарке, — проведя по горлу ребром ладони, сокрушенно произнес Ганин.

— Но-но. Я бы попросил. Отличная была идея. Пошли уж.

— И куда?

— Как куда? В трактир, конечно.

— А чего же тебя не пригласили отобедать?

— Пригласили. Только я ведь помню, что мой верный Санчо Панса голодный стережет подходы к резиденции боярина, выискивая коварных врагов.

— А попроще?

— Яков, читай книги, расширяй кругозор. Или ты от голода плохо соображаешь?

— Может, и от голода, — не стал спорить телохранитель.

Трактир нашелся неподалеку. Так как центр рядом, заведение респектабельное, которое не зазорно посетить и благородной публике. Кстати, таковых тут предостаточно, что легко угадывается по костюмам европейского кроя. Борис остановился, чтобы отдать в гардероб шляпу и трость. Положение обязывает.

— Тяв! — Жалобно тявкнув, Шанти поспешил спрятаться за ногами хозяина.

Борис даже опешил от подобной наглости. Какой-то неизвестный господин, явно трезвый и при памяти, вдруг пнул песика, нечаянно оказавшегося у него на пути. Обойти спица или остановиться, чтобы дать ему самому отвернуть в сторону, — никаких проблем. И зазорного в том ничего нет.

Скажи кто Борису еще полтора года назад, что он из-за какой-то собачонки... Вот только Шанти не какой-то. Он друг, не давший ему сойти с ума от одиночества, деливший с ним все тяготы одиночного плавания. Очень может быть, что у Измайлова на этом фоне малость протекла крыша, но...

— Сударь, придержите свои ноги, пока вам их не вырвали, — подхватив Шанти, бросил Борис.

— Что? — презрительно вздернул бровь незнакомец.

Судя по костюму, вальяжной манере держаться и жестам, дворянин, имеющий за плечами соответствующую светскую школу. По правильному московскому выговору угадывается обладатель третьего уровня «Лингвистики». Впрочем, за русского его можно принять только с пьяных глаз. Смуглая кожа и характерные черты лица выдавали в нем представителя южных краев.

— Яша, поддержи Шанти.

Передав собачку, Борис одарил задиру самой приветливой улыбкой, на какую только был способен, после чего врезал от всей широкой души. Тот не ожидал ничего подобного, а потому отлетел в сторону, лихо взбрыкнув ногами, под изумленные вздохи и восклицания присутствующих.

Измайлов вдруг понял, что слова тут попросту бесполезны. Не поможет и охрана, будь ее тут хоть батальон. Если кто-то решит спровоцировать вас на дуэль, то так или иначе, но он своего добьется. Тем более если это профессиональный бретер, каковой и угадывался в незнакомце.

Не сказать, что Борис проникся дворянским духом настолько, что, отстаивая свою честь, был готов встать к барьеру. Но тут есть два обстоятельства. Первое: если откажется драться, то ему не видать Кати как своих ушей. И второе: хочет он того или нет, но тут сословное общество. Поведет себя как трус, в понимании местных, и никакая Харизма не сможет обелить его в глазах своих же соратников.

А раз хуже уже не будет и поединка не избежать, так отчего бы тогда не получить от этого удовольствие? Ну вот мало ему забрать у этого придурка жизнь. И, судя по всему, весьма удачливого или умелого. Борис видел его Суть. Восьмая ступень и в запасе — неизрасходованное возрождение.

— Я дворянин португальской короны и требую удовлетворения, — даже не придя до конца в себя, произнес неизвестный.

— Будет вам удовлетворение, сударь, — хмыкнув, пообещал Борис. — Но если изволите хамить, задевать моего шпица или товарищей, я перед тем вам еще раз набью морду. А пока... Потомственный дворянин Российского царства Москаленко-Измайлов Борис Николаевич к вашим услугам.

— Барон Орнелас.

— Ну вот и познакомились. Ваши секунданты найдут меня в гостинице «Таврическая». Честь имею. Яша, ну ты чего замер? Идем. Есть хочется.

— Борис Николаевич, а за каким чертом я тебе сдался, если все так-то?

— Ты, дружище, от других напастей. А с этой я уж как-нибудь сам разберусь. Ох ты ж! Яша, иди вон за тот столик и закажи половому что пожелаешь. Я на минутку.

Вот уж кого не ожидал тут увидеть. Нет, как только завертелось с этим представителем южных широт, нечто подобное подспудно в голове возникло. Но чтобы вот так... Не ожида-ал.

— Сеньорита да Мота, — подойдя к столику, за которым сидела молодая аристократка, кивком изобразил поклон Борис.

— Сеньор Зотов. Или все же Москаленко-Измайлов? — с самой радушной улыбкой произнесла она, указывая на стул напротив себя.

— Без разницы, — присаживаясь за стол, отмахнулся Борис. — На тот момент ваш брат все одно не мог вызвать меня на дуэль.

— Но потом... — многозначительно произнесла она и осеклась.

— И потом — тоже. Вы забываете, сеньорита Фелисия, что стреляли в меня, так что ни о каком праве чести не может быть и речи. Поэтому я мог себе позволить не раскрывать своего инкогнито. Но не будем об этом. К чему такие сложности? — кивая на присевшего рядом с ней барона Орнеласа, недоумевающе поинтересовался Борис.

— Что бы вы там себе ни решили, я представительница древнего дворянского рода, а потому не опущусь до удара из-за угла.

— Повторяю: вы сами разрешили ситуацию с вашим братом, стреляя мне в спину.

Говорили они негромко, а потому разобрать, о чем именно, присутствующим было проблематично. Измайлову не нужно особо стараться, чтобы не устраивать всеобщего представления. Хватит уже. Повеселились. Да и сейчас сидят перешептываются.

— Тогдашнюю ситуацию можно квалифицировать как боевое столкновение, где все средства хороши.

— Если это была боевая обстановка, то с чего ваш братец вдруг решил, что я оскорбил его?

— Сначала вы повели себя недостойно дворянина, отказавшись нам помочь. Потом начали распускать руки. Впрочем, теперь я знаю, что иначе вы попросту не умеете, — презрительно бросила она, явно намекая на происхождение.

Разговаривать тут бесполезно, выдвигать какие-либо доводы — тоже. Фелисия попросту не готова к конструктивной беседе. Перед ней ведь, по ее мнению, быдло, которое по недоразумению вдруг обрело дворянство.

— Последний вопрос. Мистера Арцмана вы также решили покарать?

— Он, конечно, такой же выскочка, как и вы, однако к нему у меня нет претензий, потому как он вышел к барьеру. Просто моему брату не повезло. И потом, в ту памятную ночь не он правил бал, а тот, кого он ошибочно считал имеющим право принимать решения.

— А как вы смогли подстеречь меня именно в этом трактире?

— Всего лишь случайность, которой мы воспользовались, — откровенно ответила она.

— Я так понимаю, что завтра вы будете присутствовать на поединке, дабы лично лицезреть мою гибель?

— Всего лишь потерю одного из возрождений. Что бы вы там для себя ни решили, я не убийца и не монстр.

— Ну-ну. В таком случае — до завтра.

Борис поднялся из-за стола, обозначил коротким кивком поклон и направился к Якову. Что-то у него не на шутку разыгрался аппетит. Он сейчас быка готов съесть.

Глава 4 ПОЕДИНОК

По поводу предстоящей дуэли Борис не переживал. Вернее, почти не переживал. Полторы секунды неуязвимости — это слишком малый срок, чтобы активировать дар принудительно. Запоздает выстрел, и можно будет неприятно удивиться. В пассивном же режиме дар сработает, только если будет непосредственная угроза жизни.

То есть, если пуля прилетит в плечо или ногу, то «Неуязвимость» не разрядится. Уж какие только варианты Борис не пробовал, изучил все основательно. А значит, будет больно. Причем долго. Потому что лечиться можно только методами традиционной медицины. И никаких артефактов.

Жульничество? Есть такое дело. Но Измайлов не терзался угрызениями совести. С чего бы? И перед кем? По сути, его решили убить, завуалировав это под поединок. Тоже на честность откровенно не тянет. Не добьется успеха один бретер, найдется другой. Явление распространенное. Дворянская честь? Три ха-ха! За ярким и красочным фасадом прячется такое вонючее дерьмо, что проблуетса бомж в пятом поколении.

Кстати, о даре он поведал только самым близким: Проскурину, Рыченкову и Носову. Даже Григорий оставался в неведении. Дело не в том, что Борис не доверял ему, просто Травкин был убежденным социалистом. Мало ли в какую сторону его еще качнет? А этим ребятам палец в рот не клади.

После обеда в трактире они с Яковом направились в гостиницу. Елизавета Петровна уже пеняла Борису на то, что, прибывая в город, он мог бы останавливаться в ее особняке. Но он всякий раз отказывался. Хотя, как и требовали того приличия, оказываясь на Яковенковском, первым делом навещал матушку. Н-да. Матушка. Ну вот так все выкрутилось.

Из гостиницы отправил письма названным братьям Петру и Федору Москаленко, дабы те выступили его секундантами на предстоящей дуэли. Ну и телеграмму на Голубицкий, старикам-разбойникам. Не то чтобы на всякий случай, а чтобы они были в курсе. Еще обидятся.

Когда поднялись в номер, Яков удалился в свою спальню и предался послеобеденному сну. Измайлов же разложил этюдник, взял одну из рамок с натянутым картоном. Смочил его и вооружился красками. Ничего не поделаешь. Если он собирается достичь высот мастера, ему нужно рисовать, рисовать и рисовать. Кстати, опыт «Акварели» уже дошел до половины и замер. И так будет, пока не подтянутся остальные умения.

Радует одно. Как только показатели достигнут четверти, количество получаемого опыта возрастет вдвое, хотя и в этом случае составит всего лишь триста двадцать очков. Но даже для достижения этого показателя ему нужно написать еще шестьдесят девять акварелей. Вот Борис и пишет их, используя каждый

час свободного времени. Вернее, три-четыре часа, которые уходят у него на одну акварель.

Не мог Измайлов писать их, растягивая процесс на несколько подходов. Хотя такое и возможно при работе сразу с несколькими картинами. Однако он вдруг понял, что акварель для него стоит особняком. Она выражает его настроение и чаяния в данный момент. И если он не завершит ее за один подход, то потеряется магия и очарование этих теплых, ласковых и непокорных красок.

Масло было полностью подвластно его воле и поддавалось абсолютному контролю. Акварель же походила на взбалмошного подростка, живущего не разумом, а эмоциями. Чуть зазевался, и настроение картины может измениться на противоположное. Но это-то Борису и нравилось особо. Берясь за кисть, он никогда не был уверен в результате. Тот для него оставался загадкой практически до самого завершения работы...

— Привет! Соскучился! — возбужденно произнес ворвавшийся в номер Григорий.

Хорошо хоть Борис работу над картиной закончил и как раз хотел заказать в номер кофе. А то ведь после такого появления весь настрой насмарку и незавершенную картину можно выбрасывать. И это даже несмотря на то, что писал он акварели в своей пренебрежительной манере.

Кстати, эти работы произвели впечатление на Елизавету Петровну, а уж она-то разбирается в живописи. Может, Измайлов еще выступит в этом мире в роли зачинателя авангардизма. Шутка.

— Ты чего прилетел за тридевять земель? — удивился Борис.

— Да ладно. Тут всего-то неполных сто километров, — отмахнулся Травкин, водружая на письменный стол свой саквояж.

— Я так понимаю, у тебя что-то срочное? — кивая на стол, поинтересовался Борис.

— Не то чтобы горело, но я не удержался. Смотри.

С этими словами он извлек из саквояжа коробку знакомых габаритов — с небольшую посылку и с торжественным видом поставил на стол.

— Вот! — едва слышно выдохнул он.

Артефакт «Наводчик».

Рассеивание снарядов — — 7%.

Масса снарядов — 4,5—45 кг.

*Количество зарядов — 4.
Состояние заряда — 100%.
Время работы — 4 часа.
Перезарядка — 10 дней.
Состояние механизма — не взведен.*

— Вот оно как! — искренне восхитился Борис. — Так вот над чем вы с Павлом Александровичем работали два с половиной года!

— Ну, работали — это громко сказано. Это от начала и до конца его детище, я только подвизался у него всего лишь в роли токаря.

— И как это действует?

— Придельваешь на тумбе орудия крепление, и все.

— И сколько таких можно установить на одну пушку?

— Номер с «Защитником» не пройдет. Одна пушка — один артефакт. И видишь, ограничения по массе снаряда. Семидесятипятимиллиметровые пушки и стопятидесятимиллиметровые орудия в этот диапазон еще укладываются. Да и то не все. Шестидюймовый «Армстронг» с его пятидесятитрехкилограммовым снарядом проходит мимо. Как и пушка Дубинина с излишне легким.

— Да и черт с ним. Как раз то, что нужно сейчас. А там измыслите еще. Кстати, что по правам?

— Павел Александрович передаст их Голубицкому. Тут без вариантов. Слишком серьезный вопрос.

— Как и с «Защитником».

— Ну, усовершенствование «Защитника», как и «Аптечки», Эфир зачел нам обоим, так что без обоюдного согласия передать права мы не сможем. Правда, чертежи «Наводчика» он мне передал еще до того, как уступит права боярину. И если для собственных нужд, а не на продажу, то и предъявить нам нечего.

— Согласен. А усовершенствовать артефакт сможешь?

— Я пока не уверен, что получится воссоздать четверной артефакт, а ты сразу о модернизации. Это ведь работа Павла Александровича. Посмотрим. Время покажет.

В этот момент раздался стук в дверь. Борис открыл, впуская хмурых братьев. Что-то они не спешили. Впрочем, куда торо-

питься-то, если изменить уже ничего нельзя. Лишняя суета — она лишняя и есть.

— Мы внизу встретили секундантов твоего противника. Все вопросы утрясли. Вот. — Петр, затаенный в мундир капитана первого ранга, протянул футляр с дуэльными пистолетами. — По пути купил. Знатная работа. Сохранишь как памятник собственной глупости.

Дуэльные пистолеты покупаются под конкретную дуэль. Падет ли жребий на них или стреляться придется оружием противника, не важно. Больше ни в одном поединке их использовать нельзя. Как не получится и одолжить кому другому. Разве только хранить как реликвию да использовать для развлекательной стрельбы.

Борис подозревал, что эта традиция исходит от производителей. А как иначе обеспечить постоянный спрос на такое реликтовое оружие? Старинное-то понятно. Его собирают коллекционеры. А вот такие новоделы? Правда, и таким случается стать жемчужиной чьей-нибудь коллекции, если с их помощью удается оборвать жизнь какой-то знаменитости.

Кстати, дуэльный гарнитур оказался настоящим произведением искусства. И да, несмотря на то что пистолеты капсюльные и гладкоствольные, в точности они мало уступят револьверам с нарезными стволами. Пули отливаются по форме, находящейся здесь же, ноготок к ноготку, и проталкиваются по стволу с небольшим усилием. Так что не болтаются, как дерьмо в проруби. Штучная работа!

— При чем тут глупость? — возразил Борис. — Отвертеться от дуэли у меня все одно не было никакой возможности. А так хоть в морду дал.

— Мы слышали другое, — возразил Федор.

— Да наплевать и растереть на то, что вы слышали. Приветянется из Бразилии.

— Так ты же говорил, что там банкир стрелялся.

— Стрелялся. Да только сестрица убиенного вдруг решила, что с меня нужно учинить спрос. Наняла бретера и приперлась сюда.

— Погоди, Боря, о чем речь-то? — наконец всполошился Григорий.

— Да пустое. Разберемся.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1. Совершеннолетие</i>	5
<i>Глава 2. «Новик»</i>	13
<i>Глава 3. Нежданно-негаданно</i>	21
<i>Глава 4. Поединок</i>	31
<i>Глава 5. Ссора</i>	40
<i>Глава 6. Контрабандист</i>	50
<i>Глава 7. Выгодная сделка</i>	61
<i>Глава 8. Снова Белен</i>	74
<i>Глава 9. Охота</i>	82
<i>Глава 10. Трофей</i>	91
<i>Глава 11. Побег</i>	100
<i>Глава 12. Новое слово в тактике</i>	109
<i>Глава 13. Очередная новинка</i>	120
<i>Глава 14. На Белен</i>	131
<i>Глава 15. Разгром</i>	139
<i>Глава 16. Нелегалы</i>	150
<i>Глава 17. Ход конем</i>	159
<i>Глава 18. Опять вместе</i>	168
<i>Глава 19. Вершитель судеб</i>	178
<i>Глава 20. Москва</i>	187
<i>Глава 21. Аудиенция</i>	195
<i>Глава 22. Старый знакомый</i>	205
<i>Глава 23. А дела-то налаживаются</i>	217
<i>Глава 24. Набег</i>	227
<i>Глава 25. Наука на будущее</i>	237
<i>Глава 26. Нет предела совершенству</i>	248
<i>Глава 27. Фрамская мясорубка</i>	258
<i>Глава 28. И снова государь</i>	271
<i>Глава 29. Большие планы</i>	281
<i>Глава 30. Долго и счастливо</i>	288
<i>Глава 31. Боярин Москаленко-Измайлов</i>	295
<i>Вместо эпилога</i>	304